

ПИОНЕР

За Мир, Труд, Свободу,
РАВЕНСТВО и СЧАСТЬЕ
ВСЕХ НАРОДОВ!
За КОММУНИЗМ!

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1961 г.

ЗАМЕРЗШАЯ РЯБИНКА

Ю. АЛЕШКОВСКИЙ

Рисунки Е. Медведева.

По дороге в школу я вспомнил, что на первом уроке у нас рисование. Я остановился и потрогал носком ботинка ледяную корочку на огромной луже. В школу мне уже не хотелось идти. В эту минуту я и заметил, что пришла зима и за ночь выпал первый мелкий снежок. Выйдя из дома, спросонья я этого не заметил.

Я стоял над лужей и обламывал хрупкую ледяную кромку. Я, конечно, пошел в школу. Но только уныло-уныло. А все из-за рисования.

Я его ненавидел, потому что весь прошлый год мы рисовали на уроках вазу, или кружку с деревянной ложкой, или матрешку, или противный старый цветок в горшке. Я ненавидел рисование еще и потому, что на урок нужно было приносить альбом, цветные карандаши и акварельные краски. Все это никак не умещалось в желтой полевой сумке, подаренной мне дядькой — майором в отставке. Альбом и краски на урок рисования приходилось нести в руках.

А разве это жизнь, если идешь в школу, а руки у тебя заняты и ничего нельзя сделать: ни побороться с Петькой, ни выбраться из троллейбуса с задней площадки, ни перелезть через забор...

На урок я немного опоздал. Я вошел в класс и спросил:

— Можно, Арина Ивановна?

— Больше не опаздывай, — сказала Арина Ивановна, наша учительница рисования.

Она всего три урока преподавала в нашей школе вместо ушедшей на пенсию Эмилии Васильевны.

Я сел на место, когда Арина Ивановна спросила меня:

— Ты принес альбом и краски?

— Нет, — сказал я. — Забыл...

— Ты забываешь их в третий раз. Мне это надоело. Иди домой и без альбома на урок не возвращайся.

Я подошел к двери, постукивая ногой об ногу. Все-таки на улице было уже холодно. Арина Ивановна сказала, посмотрев на меня:

— Впрочем, оставайся. Вечером я зайду к твоему отцу. В чем ты носишь альбом?

— Так... — Я показал свою желтую полевую сумку.

— Все понятно. Мы договоримся, чтобы твой отец купил тебе портфель или ранец.

Я совсем приуныл. С первого класса ношу свою полевую сумку, и все ребята знают,

что она в трех местах пробита пулями... И вдруг из-за какого-то рисования...

— Рыжиков! Перестань жевать воротничок! — Арина Ивановна, как всегда, ходила из конца в конец класса. — Ребята! Как вы думаете, для чего мы учимся рисовать?

Наверно, кто-то поднял руку и ответил. Я ничего не слышал. Я думал о своей желтой полевой сумке, пробитой пулями в трех местах, и о ненавистном рисовании. Чтобы освободиться от него, я бы с радостью решил лишнюю контрольную по арифметике и еще пять примеров впридачу.

— Рыжиков! Интересно, что ты думаешь о рисовании?

Я встал и сказал:

— Чего мне думать... раз забыл альбом и краски...

— Хорошо, — сказала Арина Ивановна. — Прошлые уроки помогли мне лучше познакомиться с вами, — она улыбнулась, — как с живописцами. Сегодня каждый из вас попробует сделать по иллюстрации, то есть по картинке, к своей любимой книжке.

Я обрадовался: все-таки это не кубики и горшки срисовывать — и сразу прошептал Петьке:

— Вырви лист из альбома... дай кисточку, а то Беляева не получишь...

— Рыжиков, — сказала Арина Ивановна. — Вот бидончик. Сходи и набери в него воды. Затем, чтобы ребята не теряли времени, ты будешь менять в их баночках воду. Понятно?

В общем, я ходил по классу, выливал из баночек грязную воду, доливал чистую и почему-то очень тоскливо смотрел, как ребята рисуют.

Я заглянул в альбом Павлика. Он рисовал синее-синее море и корабль с алыми парусами. Только паруса были неправильные. Мы заспорили, чуть не подрались, и я ко всему прочему получил замечание.

Петька тоже рисовал море, но только в разрезе. На дне его лежали морские звезды и рыба-меч, а над ними плыл человек-амфибия. Я вздохнул: «Мне бы сейчас листок из альбома!»

Даже у Людки Алешиной на развороте альбома была нарисована арена цирка и на длинном шесте гуттаперчевый мальчик. А у Коли Грачикова белое дерево, черная ворона и внизу оранжевая лиса.

Это было красиво. В общем, чего только ни рисовали ребята: и мушкетеров, и Чапаева, и пиратов, и марсиан, и Чука с Гekom, и Руслана с Головой, и Гагарина в ка-

бине «Востока», а я ходил по классу и менял в баночках воду.

Когда прозвенел звонок, Арина Ивановна задала на дом сделать рисунок с натуры и спросила меня:

— Тебе хотелось порисовать?

— Нет! — сказал я упрямо.

— Ну, что ж... Передай отцу, что я сегодня зайду к вам.

Вечером, когда я пришел от Петьки (мы вместе делали уроки), Арина Ивановна была уже у нас. Она и мой отец сидели на кухне, гремели чашками, ложками и спорили как старые знакомые.

Я сказал про себя: «Сидели бы вы, Арина Ивановна, как няня Пушкина Арина Родионовна, и приумолкли у окна под жужжанье веретена, а буря мглою крыла бы небо...»

Мой отец вскрикнул:

— Ты, Арка, ставишь рисование во главу угла!

— Нет. Просто считаю важнейшим делом научить ребят видеть и понимать красоту... Конечно, преподавание должно быть интересным.

Я никак не мог понять, почему мой отец называет Арину Ивановну Аркой. Я ушел в комнату. Потом снова вышел в коридор.

— Понял наконец? Если хотя бы в твоём Вовке не воспитать чувства прекрасного, он попадет в плен к дурным вкусам, в плен к пошлости! Для начала купи ему портфель или ранец.

Я хотел крикнуть: «Что? Это я-то попаду в плен и у меня отберут сумку?» Но мой отец сказал Арине Ивановне:

— Ладно. Договорились. Отберу у шалопая сумку.

Я вбежал в кухню и заорал:

— Пап! Арина Ивановна! Одно замечание по рисованию — и отберете сумку! Я буду за пазухой таскать альбом или из нейлона пакет сделаю! Честное пионерское! Я не хочу в плен!

Мне неожиданно поверили. Я пошел спать.

Я слышал, как Арина Ивановна одевалась в передней и вспоминала разных ребят и какой-то случай на уроке зоологии. Мой отец смеялся и говорил:

— Здорово мы учились! С удовольствием снова пошел в первый класс!

Ну, уж таких слов я никак не ожидал услышать от моего отца! Поэтому я завернулся с головой и заснул...

На следующий день я пришел из школы и решил сделать рисунок с натуры.

Я осмотрел нашу комнату, но не нашел

ничего интересного. Все казалось знакомым и скучным. В окне соседнего дома было видно, как Лимский что-то срисовывает, высунув язык. Он лучше всех рисовал в нашем классе. Эмилия Васильевна ставила ему только пятерки.

«Куда уж мне...» — подумал я, оделся и вышел на улицу.

И как только я спрыгнул с крыльца, я увидел нашу рябинку. Увидел как-то вдруг, увидел будто в первый раз, хотя она росла давным-давно в скверике перед домом.

Я даже присел на краешек тротуара, до того неожиданной и защемившей сердце была красота рябинки.

Сразу за ней возвышалась пологая, засыпанная первым снегом крыша автомастерской, и рябинка казалась распластанной на этой крыше, как на огромном листе бумаги.

А гроздья рябины взлетали к небу, словно гроздья красных ракет во время салюта, а заиндевшие ветви тянулись за ними, как струйки дыма.

Я вскочил с тротуара и подумал: «Мое счастье, что ягоды никто не съел. Нужно быстрее-быстрее, пока еще кому-нибудь не пришлось в голову нарисовать рябинку». Сердце у меня стучало громко-громко.

Лимский все еще сидел у окна и что-то срисовывал. Я ходил из конца в конец нашего двора, украдкой посматривая на рябинку, и соображал: «Как Лимский, сидеть за окном не буду... Нужно по-настоящему... Сделаю станок из дощечек, залезу на газон и нарисую рябинку... Карандашами? Нет!»

Я как-то почувствовал, что рябинке нужны краски сочные, яркие и разные. Я даже вообразил ее нарисованной, и у меня дух захватило от непонятного волнения. Я еще раз взглянул на рябинку. Вдруг вышло солнце, тронутые морозцем ягоды рябины засветились насквозь и стали оранжевыми. Я сразу решил: «Ой! Вот так и нарисую!» — и побежал к дяде Мише в столярку.

Часа три мастерил я станок из старых досок. Он все никак не получался. То падал, то наклонялся влево. Наконец я сбил две доски крест-накрест, сзади прикрепил на куске резины планку, и она поддерживала станок под любым углом.

Пока я возился, на улице стало сумеречно. Рисовать уже нельзя было. Я потащил свой станок в подъезд и поставил его на шестом этаже около машинного отделения лифта. Потом пошел делать уроки. Я решил примеры и несколько раз представлял рябинку с ягодами, просвеченными солнцем.

Утром я, как старый знакомый, помахал ей рукой, а вернувшись из школы, принялся за дело.

Мне не терпелось поскорей начать рисовать. На кухне я взял большую фанерку, на которой моя мать разделявала лапшу, и прикрепил к ней лист чертежной бумаги. Картонку с акварельными красками я прибил гвоздиками к дощечке с широкой дыркой. На ней резали лук, селедку и картошку. В дырку пролезал большой палец, и все было совсем как у настоящего художника, которого я видел летом в деревне.

Потом я вынес станок из подъезда и поставил его на заснеженном газоне недалеко от рябинки.

Было градусов двенадцать мороза, и вода в баночке наверняка замерзла бы. Я сбежал домой за туристским кофейником отца — кофейник был со спиртовкой — и прикрепил его к станку. Но спиртовка оказалась пустой. Я снова сбежал домой и вылил в спиртовку остатки тройного одеколона и бутылочку маминых духов «Белая сирень».

Фитилек загорелся. Я набросал в кофейник снега, потому что мне надоело бегать домой, и наконец взял в руки тоненькую кисточку и дощечку с красками.

Я, волнуясь, смотрел то на рябинку, то на лист бумаги и незаметно для себя набросал красной краской штук десять гроздей по двадцать рябинин в каждой.

Я отдышался и огляделся. Никто за мной не следил. Лимский все так же что-то рисовал за окном.

Заиндевшие ветви рябинки почти сливались с крышей автомастерской. Я белым нарисовал крышу, а черным — слуховое окно. Кисточка моя замерзла. Я обмакнул ее в горячую воду. Все шло как по маслу. Ствол я сделал светло-зеленым с коричневыми отметинами срезанных сучков. От ствола я провел к красным гроздьям голубоватые ветки.

Вода в кофейнике стала грязной. Я ее вылил и снова насыпал снега. Потом я отошел на два шага от станка и со страхом всмотрелся в то, что получалось. Получалось вроде здорово.

Я побежал в одно место, чтобы заодно согреть руки и ноги.

Вернувшись, я увидел, что около ограды стоят какой-то парень без шапки и наша соседка по площадке Ветка Палевская. Она училась в десятом классе. Парень ей что-то горячо говорил, показывая на мой станок. Я прислушался.

— Нет! Ты взглядишь, Ветка, взглядишь! Это наверняка работает «левый». Молодчина! Даже клочок газеты, как у раннего Пикассо. Видишь: картина называется «Пуск синхрофазотрона». И эти голубоватые линии, как следы микрочастиц! И странные красные пятна, как структура молекул. Гениально! Я давно говорю: пора художникам вторгаться и в космос, и в физику малых частиц! А какая гармония, несмотря на необычный колорит! Я в плену очарования! Это «левый». В его манере работать нет ничего традиционного. Сырые доски, грубая палитра, спиртовка, кофейничек, снег. Поэзия! Краски замерзают и отогреваются. Хочешь, я сейчас замерзшими руками напишу стихи, и слова будут теплыми, теплыми?

Заметив меня, Ветка смущенно сказала:

— Пойдем, Савченко. Ты нагородил чепухи и бреда.

Парень как-то сразу сник и подышал на руки. Он закричал, когда я подошел к станку:

— Эй! Алё! Ну-ка проваливай!

Ветка взяла его под руку, и они ушли.

Из слов парня я понял только то, что я «левак», как будто я шофер и езжу «налево». Я сказал вслух: «Я не «левак», а ты ишак!» — и снова принялся за рябинку. Я понял, что в картине чего-то не хватает, и догадался: снег на крыше нужно было подсинить, как моя мать подсинивает белье, а снег на газоне подтемнить. Я так и сделал. И снег на крыше стал белым-белым, а на газоне грязноватым. Потом я заполнил пустые места над крышей холодным синим небом и подумал: «Почему он сказал: «Пуск синхрофазотрона»?» Я засмеялся, заметив прилипший к фанерке кусочек газеты с этими словами.

Я погрел руки над кофейником и корявыми буквами написал внизу листа: «Замерзшая рябинка».

И ноги и нос у меня совсем застыли, но я все смотрел то на мою рябинку, то на насторающую.

Уже темно, когда я втаскивал станок с картиной в подъезд. Меня окликнула Ветка:

— Ты, Вовка, талант!

— А Савченко твой пижон!

— Что ты, — сказала Ветка, — ну... как бы тебе сказать... он в таком состоянии, что видит нечто высокое и прекрасное во всякой ерунде.

— И в тебе, значит? — сказал я, догадавшись.

Ветка нахлобучила мне шапку на голову и весело побежала по лестнице. Жаль, что у

меня были заняты руки. Сверху Ветка крикнула:

— Не носи рябинку в тепло! Краски оттают, и все размажется.

Я похолодел. Это была правда. Еще немного — и загубил бы свою рябинку.

Я пошел к дворничихе, взял у нее ключи и поставил «Рябинку» на улице за стеклом доски объявлений.

Все проходили и смотрели на «Рябинку», а я стоял поодаль и смотрел и почему-то никак не мог на нее наглядеться.

Вечером меня ругали за кофейничек, за духи, которые, оказывается, были «самым скромным, но дорогим подарком», и за дощечку, вымазавшую лук и селедку в разные краски.

На уроке рисования Арина Ивановна спросила меня:

— Принес альбом и краски?

Я показал и то и другое.

— Хорошо. А рисунок с натуры сделал?

Я сказал:

— Сделал... но...

— Забыл? — вскрикнула Арина Ивановна, грозно раскрывая журнал.

Я подошел к ней и так, чтобы никто не услышал, рассказал, почему я не принес свою картину.

Арина Ивановна сказала всему классу:

— Ребята! После уроков мы пойдем смотреть картину Вовы Рыжикова. Это любопытно.

Потом она проверяла домашние задания и тут же ставила отметки.

Лимский, оказалось, нарисовал целый комод, а на нем семь белых слоников и серую в яблоках кошку-копилку. Ошейник на кошке и ручки комода Лимский раскрасил золотой краской. Мы с Петькой зевнули от скуки. Арина Ивановна долго смотрела на рисунок Лимского и равнодушно сказала:

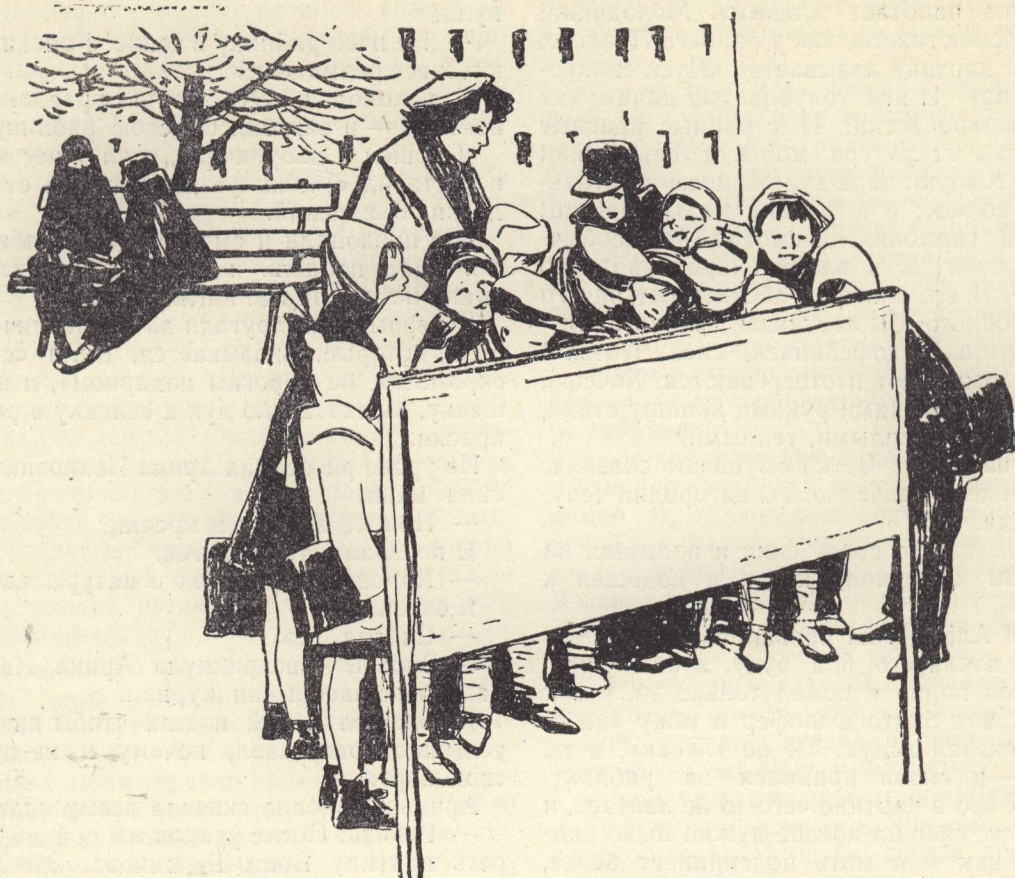
— Четверка.

Это была первая четверка Лимского по рисованию. Он обиделся. Зато Арина Ивановна повеселела, когда поставила три пятерки: Буркиной — за рисунок «Жареная картошка на синей скатерти» (у меня и у Петьки потекли слюнки, такой это был рисунок), Грачикову — за рисунок «Машина убирает снег» и Алешиной — за рисунок «Папа бреется».

После уроков Арина Ивановна и наш класс направились смотреть мою «Рябинку».

По дороге к нам пристали еще несколько ребят и девчонок.

Когда мы пришли в наш двор, я покраснел и сказал:

— Вот... за стеклом...

Все столпились у доски объявлений.

Арина Ивановна первая тихо сказала:

— Рябинка!..

Ребята несколько секунд молчали, а потом затараторили:

— Красиво как!

— Ой! Ой! И еще раз ой!

— А мы на нее тыщу раз смотрели!

— Нарисуй мой портрет!

Арина Ивановна сказала мне:

— Можешь нести рисунок домой. Краски на морозе просыхают, как лужи... Ставлю тебе... — она задумалась, — четверку с плюсом.

Это была моя первая в жизни четверка по рисованию. Лимский что-то бурчал себе под нос. Арина Ивановна добавила:

— Ты, Вова, должен поучиться у Лимского технике рисунка, а ты, Лимский, — у Вовы...

— Выходить из плена дурного вкуса! Искать красоту! — не удержался я.

Арина Ивановна кивнула. Ребята еще долго смотрели на «Замерзшую рябинку» и сравнивали ее с настоящей. А когда все ушли, я вынул мой рисунок из-за стекла и пошел домой.

У подъезда мне повстречался тот самый Веткин парень. Он кашлянул и отвернулся. Я тоже.

Дома я подумал: «Что бы мне еще нарисовать?» И решил: «Обязательно нарисую свою желтую полевую сумку, пробитую пулями в трех местах».

